

«САДКО»

БЫЛИНА
ГРАФА АЛЕКСѢЯ ТОЛСТОГО
съ МИНИАТЮРАМИ
М. П. СОЛОВЬЕВА.

Садко: Былина графа Алексѣя Толстого съ миниатюрами М. П. Соловьева
//Типографія А. Бенке, Санкт-Петербург, 1905
FB2: "Vadi ", 20/02/2014, version 1.0
UUID: 48B97AEC-E6C3-44CA-9F45-8D250E5FBFCB
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Алексей Константинович Толстой

Садко

Садко.

Садко

Былина графа Алексѣя Толстого съ мініатюрами М. П. Соловьева

*Сидитъ у царя водяного Садко
И съ думою смотритъ печальной,
Какъ моря пучина надъ нимъ вы-
соко
Синѣтъ сквозь теремъ хрусталь-
ный:
Тамъ ходятъ, какъ тѣни, надъ ни-
мъ корабли,
Товарищи тамъ его ищутъ,
Тамъ берегъ остался цвѣтущей
земли,
Тамъ птицы порхаютъ и сви-
щутъ;
А здѣсь на него любопытнo гля-
дитъ
Бѣлуга, глазами моргая,
Иль мелкими искрами мимо
бѣжитъ
Снетковъ серебристая стая.
Куда онъ ни взглянетъ — все си-
няя гладь,
Все воду лишь видитъ да воду,
И пѣсни усталъ онъ на гусяхъ иг-*

рать

Царю водяному въ угоду.

А царь, улыбаясь, ему говоритъ:
Садко, мое милое чадо!

Повѣдай: зачѣмъ такъ печаленъ
твой видъ?

Скажи мнѣ: чего тебѣ надо?

Кутья ли съ шафраномъ моя
невкусна,

Блины съ инбиремъ не жирны ли?

Аль въ чемъ непривѣтна цари-
ца-жена?

Аль дочери чѣмъ досадили?

Смотри: какъ алмазы здѣсь ярко
горятъ!

Какъ много здѣсь яхонтовъ алы-
хъ!

Сокровищъ ты столько нашелъ
бы наврядъ

Въ хваленыхъ софійскихъ подвала-
хъ.

Ты, гой-еси, царь-государь водяной,
Морское пресвѣтлое чудо!

Я много доволенъ твоею женой

И мнѣ отъ царевенъ не худо;

Вкусны и кутья, и блины съ инби-
ремъ,

*Одно, государь, мнѣ обидно:
Куда ни посмотришь — все мокро*

кругомъ,
Сушого мѣстечка не видно!
Что пользы мнѣ въ томъ, что со-
кровищъ полны
Подводныя эти хоромы:
Увидѣть бы мнѣ хоть-бы зелень
сосны,
Прилечь хоть на ворохъ соломы!
Богатствомъ своимъ ты меня не
держи:
Всѣ роскоши эти и нѣги
Я-бъ отдалъ за крикъ перепелки
во ржи,
За скрыпъ новгородской телѣги!
Давно такъ не видно мнѣ божьяго
дня,
Мнѣ запаху здѣсь — только тина;
Хоть дегтемъ повѣяло-бъ разъ на
меня,
Хоть дымомъ курного овина!
Когда же я вспомню, что этой по-
рой
Весна на землѣ расцвѣтаетъ,
И самъ ужъ не знаю, что ста-
нетъ со мной:
За сердце вотъ такъ и хватаетъ!
Теперь у насъ пляски въ лѣсу моло-
домъ,

Забыты и стужа, и слякоть —
Когда я подумаю только о томъ:
Отъ грусти мнѣ хочется пла-
кать!

Теперь, чай, и птица, и всякая
звѣрь

У насъ на землѣ веселится;
Сквозь листъ прошлогодній про-
бившись теперь,

Синѣетъ въ лѣсу медуница!

Во свѣжемъ, въ зеленомъ, въ лѣсу
молодомъ

Березой душистою пахнетъ —

И сердце во мнѣ — лишь помыслю
о томъ —

Съ тоски изнываетъ и чахнетъ.

САДКО, мое чадо! городишь ты
вздоръ:

Земля нестерпима отъ зною;
Я въ этомъ сошлюся на цѣлый
мой дворъ —

Всегда онъ согласенъ со мною.

Мой теремъ есть моря великаго
пупъ,

Твой жеребій, стало быть,
свѣтель,

А ты непонятливъ, несвѣдущъ и

*глупъ,
Я это давно ужъ замѣтилъ.
Ты въ думѣ пригоденъ моей
засѣдать,
Твою возвеличу я долю:
И санъ водяного совѣтника дать
Тебѣ непременно изволю.*

*Ты, гой-еси, царь-государь водяной,
Премного тебѣ я обязанъ,*

Но почести я не достоинъ мор-
ской:
Ужъ очень къ землѣ я привязанъ!
Бывало, не все тамъ норовилось
мнѣ,
Не-по-сердцу было иное;
Съ тѣхъ поръ же, какъ я очутился
на днѣ,
Мнѣ все стало мило земное.
Припомнился песъ мнѣ и грязенъ,
и хилъ,
Въ репьяхъ и въ сору извалялся;
На пиръ я въ ту пору, на званый,
спѣшилъ
А онъ мнѣ подъ ноги попался;
Брезгливо взглянувъ, я его ото-
гналъ,
Ногой оттолкнулъ его гордо —
Вотъ этого пса я-бъ теперь
цѣловалъ
И въ темя, и въ очи, и въ морду!

САДКО, мое чадо! на кую ты
стать
О псѣ вспоминаешь сегодня?
Зачѣмъ тебѣ грязнаго пса
цѣловать?
На то мои дочери пригоднѣй.

*Воистину, чѣмъ бы ты имъ не же-
нихъ?*

*Я вижу, хоть въ усъ и не дую,
Пошла за тебя бы любая изъ нихъ*

—
Бери-жъ себѣ въ жены люблюю!

Ты, гой-еси, царь-государь водяной,
Морское пресвѣтлое чудо!

Боюся: отъ брака съ такою же-
ной

Не вышло-бъ душѣ моей худо!

Не спорю: онѣ у тебя хороши,

И цвѣтъ ихъ очей изумрудный,

Но только колючи онѣ, какъ ерши,

Намъ было-бъ сожителство

трудно.

Я тѣмъ не порочу твоихъ дочерей,

Но я бы не то что люблюю,

А всѣхъ ихъ сейчасъ промѣнялъ бы,

ей-ей,

На первую дѣвку рябую! —

— Садкó, мое чадо, ужъ очень ты
грубъ,

Не нравится рѣчь мнѣ такая;

Когда бы твою не цѣнилъ я иг-

ру-бъ,

Ногой тебѣ далъ бы пинка я.

Но печени какъ-то сегодня свѣжо,

Веселье въ утробѣ я чую;

О свадьбѣ твоей потолкуемъ ужю,

Теперь же сыграй плясовую.

*Ударилъ Садко́ по струнамъ тре-
пака,
Самъ къ чорту шлетъ царскую
ласку,
А царь, ухмыляясь, уперся въ бока,*

Готовится, дрыгая, въ пляску.
Сперва лишь на мѣстѣ поводитъ
усомъ,
Щетинистой бровью киваетъ,
Но вотъ — запыхтѣлъ и надулся,
какъ сомъ:
Все болѣ его разбираетъ.
Похаживать началъ, плечьми ше-
веля,
Подпрыгивать мимо царицы,
Да вдругъ какъ пойдетъ выводитъ
вензеля,
Такъ всѣ затряслись половицы.

НУ, мыслитъ Садко, я тебя замо-
рю!
Съ досады быстрѣй онъ играетъ,
Но какъ ни частитъ, водяному
царю
Все болѣе силъ прибываетъ.
Пустился на вывертъ пятами
мѣсить,
Закидывать ногу за ногу,
Откуда взялася, подумаешь,
прыть?
Глядѣть, инда страшно, ей-Богу!
Бояре въ испугѣ ползутъ окорачь,
Царица присѣла ажъ на-полъ

Пищатъ-инъ царевны, а царь себѣ
вскачѣ
Знай чешетъ ногами оба полѣ.
То, выпятя грудь, на придворныхъ
онъ претѣ,
То, скорчившись, пятится боко-
мѣ,
Ломаетъ колѣнца и взадѣ, и впе-

редъ,
Валяетъ загребомъ и скокомъ.
И все веселѣй и привольнѣй ему,
Колѣнца выходятъ все круче —
Темнѣе становится все въ тере-
му,
Надъ моремъ собираются тучи...
Но шибче играетъ Садкó, осерча,
Сжавъ зубы и брови нахмуря,
Онъ злится, онъ дергаетъ струны
сплеча,
Вверху подымается буря...
Вотъ дальними грянулъ раската-
ми громъ,
Сверкнуло въ пучинномъ про-
сторѣ,
И огненнымъ свѣтомъ зардѣла
кругомъ
Глубокая празелень моря.
Вотъ крики слышались тамъ
высоко:
То гибнутъ пловцы съ корабля-
ми...
Отчаяннѣй бьетъ пятернями
Садкó.
Царь бѣшеннѣй мѣситъ ногами;
Въ присядку понесъ его чортъ хо-
дуномъ,

Онъ фыркаетъ, пышетъ и дуетъ,
Гремитъ плясовая, колеблется
домъ,
И море реветъ и бушуетъ...
И вотъ пузыри отъ подстѣнья по-
шли,
Садкó уже видитъ сквозь стѣны:
Разбитые ко-дну летятъ корабли,
Крутяся средь ила и пѣны.

ОНЪ видитъ: морякъ не одинъ по-
тонулъ,
Въ немъ сердце исполнилось жа-
ли,
Онъ сильною хваткой за струны
рванулъ
— И, лопнувъ, онъ завизжали.
Споткнувшись, на мѣстѣ сталъ
царь водяной,
Ногою подъятой болтая,
„Никакъ подшутилъ ты, Садкó,
надо мной?
Противна мнѣ шутка такая!
Не въ пору, невѣжа, ты струны по-
рвалъ,
Какъ разъ, когда я расплясался!
Такого колѣна никто не видалъ,
Какое я дать собирался!

Зачѣмъ здоровѣ ты струнъ не
припасъ?
Какъ буду теперь безъ музыки?
Аль ты, неумытый, плясать въ

сухоплясь
Велишь мнѣ, царю и владыкѣ?“
И плесомъ чешуйнымъ въ поты-
лицу царь
Хватилъ его, ярости полный,
И вотъ завертѣлся Садкó, какъ ку-
барь,
И вверху понесли его волны...

Сидитъ въ Новѣградѣ Садкó невре-
димъ,
Съ нимъ вящіе всѣ уличане;
На скатерти браной шипитъ пе-
редъ нимъ
Вино въ венецейскомъ стаканѣ.

Степенный посадникъ и тысяцкій
тутъ,
И старыхъ посадниковъ двое,
И съ ними кончанскіе старосты
пьютъ
Здоровье Садку круговое.

— Повѣдай, Садкó, уходилъ ты ку-
да?
На чудскую Емь, аль на Балты?
Гдѣ бросилъ свои расшивныя суда?
И безъ вѣсти гдѣ пропадалъ ты?

Поетъ и на гусляхъ играетъ Сад-
ко,
Поетъ про царя водяного;
Какъ было тамъ жить у него
нелегко,
И какъ ужъ онъ пляшетъ здорово;
Поетъ про походъ, безъ утайки,
про свой,
Какая чему была чередъ —
Качаютъ въ сомнѣнїи всѣ головой,
Не могутъ разсказу повѣрить.

